

ДОЧЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

ЧИТАЯ роман Михаила Алексева «Ивушка неплакучая», невольно отмечаешь про себя характерные черты современной прозы, ее поисков, ее развития. С каждым днем она проникается настойчивым интересом к текущей и недавней истории, стремлением проследить ее напряженный бег. В последние годы родился целый ряд значительных книг, берущих на себя сложнейшую задачу — отобразить в эпических картинах ход общественной жизни, осмыслить суть процессов, в ней происходящих, увидеть минувшие десятилетия сквозь достоверные судьбы.

Любой из этапов нынешнего века — будь то годы двадцатые, тридцатые, военные или послевоенные — насыщен событиями невиданного масштаба, огромного социального значения и дальнего действия. Трудно порой представить себе, что все испытания, свершения, перемены, открытые взору, уместаются в границах жизни одного человека, одного поколения. Вместе с тем никогда, наверно, «емкость» людских биографий не была столь ощутима, как в наше время. Удивительно ли, что, взявшись широко исследовать долю многих героев, литература неизбежно должна погружаться в гуцу общенародного бытия. И, наоборот, реалистический рассказ о судьбе отдельных личностей и семей должен в итоге обернуться познанием народной истории. В этом русле находится и роман М. Алексева.

С Феней Угрюмовой, героиней романа, мы встречаемся в радостный для нее миг — в день свадьбы. Гуляют на селе, песни поют, чувствуют жениха и невесту. Вся деревня собралась на веселье, и потому как бы само собой совершается знакомство с завидовскими жителями. Тут и старшие родственники, и друзья-подруги, и колхозное начальство. Словом, весь деревенский мир, как на ладони. Вглядываясь в лица, писатель исподволь расширяет панораму повествования. Посмотришь на местных старожил — вспомнится война империалистическая и гражданская, послышатся разговоры о дне вчерашнем и нынешнем. Посмотришь на молодежь — подумаешь о дне завтрашнем. Что там впереди?

Ждет Феня своего свадебного часа. Хочется ей счастья, радости, света. А предстоит совсем другое: скорый отъезд мужа и гибель его в далекой Испании, материнство, тяжесть военных годин, трудная, неженская работа для фронта, долгая неустроенность в личной жизни... Спелось воедино случайное и закономерное, свое и чужое, переходящее и долговечное. Будет Феня торить свою тропку, трудиться без усталости, терпеливо преодолевать невзгоды, надеяться на лучшее, жадно ловить светлые минуты. Что бы ни случилось, каким бы краем ни задела ее бурная земная исто-

рия, как бы врасплох ни застало повседневно, — не уронит эта женщина своего человеческого достоинства.

Натура гордая, честная, стойкая — Феня от природы унаследовала наиболее ценные черты народного характера. Ее образ средни многим и многим русским женщинам — простым труженицам, на чьи плечи легла тяжелая ноша. Это они провозжали на бой с лютым врагом любимых, братьев и сыновей. Это они, уйдя в непосильную работу, ждали вестей, получали похоронки, перемагались со своим горем и продолжали тянуть на себе тыловое хозяйство огромной страны.

Ивушкой неплакучей назвал однажды Феню муж Филипп, и прозвище это прижилось к ней, пришлось впору к ее облику. Склонилась ивушка над рекой. Дуют ветры, бьют холода, а она клонится, да не ломается, только глядит в текущие воды. Время, как вода, несется, журчит, точит корни. Светит солнце, бушует непогода — ивушка стоит, за родную землю держится изо всех сил.

В какой-то миг ловишь себя на том, что впечатление, оставленное образом Фени, уже не зависит непосредственно от тех эпизодов и сцен, которые отведены ей сюжетным действием. Ни благополучный исход отношений с Авдеем Максимовым, ни даже жестокая весть о гибели сына на далекой границе не меняют смысл характера героини. Смысл этот — в сопричастности Фениной доли народной доле.

Доля эта досталась разным людям, и каждому, разумеется, выпал особый жребий. Рядом с Феней — фигуры ее подруг и односельчанок, оттеняющие портрет героини романа, подчеркивающие ее человеческую неповторимость. Эти женщины родились и выросли в одной округе, одинаково впитали в себя местные обычаи, поровну разделили груз сурового лихолетья. Немало общего между ними, но невозможно (да и не нужно — подсказывает писатель) уравнивать их переживания, поступки и опыт. К этому склоняет рассказ о Степаниде Луговой, потерявшей в голодный год детей-близнецов и надолго схоронившей в душе тайну своей трагедии. К этому склоняет история Марии Соловьевой, Фениной подруги, вольно распорядившейся в военную пору своей свободой и своим одиночеством. Нелестные толки ходили по селу за Марией, обидные слова приходилось выслушивать ей, и был в тех словах справедливый упрек. Между тем писатель, памятуя о невыдуманных противоречиях бытия, не торопит себя и нас с односторонним приговором. Тут важно понять живую жизнь и психологию, важно доказать, что в недрах податливой и неустойчивой души тоже теплится доброе начало.

Живая жизнь... М. Алексеев ощущает ее как цепь бесконеч-

ных больших и малых событий, охваченных потоком времени. Скрещиваются пути и дороги, уходят за горизонт, гаснут по ту и другую сторону земного простора. «Оставив людям великое множество недоделанных дел, недосказанных сказок и недопетых песен, война в придачу ко всему повывязала такое же множество тугих узлов и петель в самих человеческих судьбах. И никто даже не пытался развязать и распутать их в пору войны...» Так размышляет писатель в начале второй книги романа, приступая к бытописанию послевоенной эпохи.

Но и в мирные дни, как открывается вскоре, «не все узлы обязательно развяжутся». Будут подстерегать людей новые драмы, новые конфликты и испытания. Они сулят завидовцам немало споров, трудов и беспокоейств. Оправится постепенно от разрухи колхоз. Большие материальные и духовные сдвиги произойдут на селе, а вместе с ними родится потребность извлечь уроки из минувшего, подалее заглянуть в будущее. Подрастут дети, начнут искать свое место в жизни, ожидая от старших поддержки и многого совета. Однако война долго останется, по мысли автора, неизгладимой вехой в памяти. Именно войне, полосувшей с размахом по селам и городам, суждено было раз и навсегда наложить глубокую печать на биографии всех героев повествования — от секретаря райкома Знобина. «У войны был далекий прицел», — подчеркивает романист.

М. Алексеев обозначил здесь круг серьезнейших социальных проблем, философское осмысление которых еще во многом предстоит нашей литературе. Писатель одним из первых коснулся целого ряда крупных явлений послевоенной истории, соотносил их с судьбами героев романа, постарался взглянуть на эти явления глазами простых людей.

Вопросы, возникающие при этом, разумеется, не имеют простых, заведомо готовых ответов. Книга требует от читателей самостоятельного раздумья, заставляет разбираться в жизненном опыте своего поколения и поколений предшествующих. Сделать это невозможно без обращения к доле сел и деревень, подобных Завидову, и к доле русских женщин, подобных Фене Угрюмовой. Проследив ее жизнь, мы застаем героиню на пороге новых забот и видим в ее «широко распахнутых глазах» «напряженное, мучительное желание понять этот сложный мир...»

Помогая читателю познавать связь времен, роман М. Алексева вызвал к себе широкий интерес. Отрадно видеть его в числе произведений, выдвинутых на соискание Государственной премии СССР.

Александр ПАНКОВ.

ИЗВЕСТИЯ, 1976, 15 июля, № 167